

18+

Сергей Парахин
Жил да был один Король

Повесть. Рассказы

Сергей Парахин

**Жил да был один Король.
Повесть. Рассказы**

«Издательские решения»

Парахин С.

Жил да был один Король. Повесть. Рассказы / С. Парахин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935004-6

В этой книге собраны рассказы, сочиненные на досуге, бессонными лунными ночами, при свечах, с гусиным пером в руке и скомканными листами на полу. Хотя порой в этих сочинениях содержится некий намек на события, имевшие место в реальной жизни. Автором великолепных иллюстраций является молодая талантливая художница Татьяна Владимировна Гринцова. Она по моей просьбе создала рисунки именно для этого издания. Это первая публикация её работ. Лично мне весьма нравится её оригинальный стиль.

ISBN 978-5-44-935004-6

© Парахин С.
© Издательские решения

Содержание

Жил да был один король	6
Дела семейные	6
Королевская охота	11
Бегство	19
Разгром	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Жил да был один Король Повесть. Рассказы

Сергей Парахин

Иллюстратор Татьяна Владимировна Гринцова

© Сергей Парахин, 2018

© Татьяна Владимировна Гринцова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-5004-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жил да был один король

Дела семейные

*«Дочка! Что ты? Зачем ты пугаешь меня?»
(Е.Л. Шварц, «Обыкновенное чудо»)*

Замок был осажден.

Король стоял на площадке угловой башни и молча смотрел в узкую прорезь бойницы.

Его беспокоило не то, что королевский замок подвергся нападению большого и сильного войска. Слава Богу, замок был хорошо укреплен, заботливо оснащен и снабжен всем необходимым на подобный случай. Гарнизон был подобран из стойких и закаленных в битвах воинов. Для успешной обороны замка его защитникам не хватало, пожалуй, только мармелада. Да и то, по правде говоря, если повару приказать, то будет и мармелад.

Короля волновало другое. На холме, напротив главной башни с воротами, в окружении пышной свиты, в позолоченных латах, с распущенной гривой смоляных волос, восседала на холеном жеребце его родная дочь, юная Хельга, наследница престола, его любимица, «детеныш».

В небольшом отдалении за её спиной, неровными шеренгами посверкивала на солнце сталью наемная пехота. Вдалеке пылила кавалерия. Вокруг замка шныряли вражеские лазутчики.

Все, как всегда. Ничего необычного. Ничего, кроме дочери.

Была чудесная пора «бабьего лета». Солнышко нежно ласкало щеки осенним теплом. Воздух был настолько хрустально прозрачен, что в самой дальней дали отчетливо виднелась каждая веточка на деревьях и безупречно очерченные тени. Тихо. Ни ветерка. Пахло виноградом, дынями, грушами, какими-то неведомыми осенними плодами.

Леса лениво опадали сухой листвой, лимонно—желтой, бордово-красной, медно-бронзовой.

Как хотелось вновь быть молодым, ловким, беззаботным. Широко раскинув руки, скакать на резвом коне по выкошенным полям, дышать полной грудью. В копне душистого сена расцеловать до беспамятства юную чаровницу.

Куда там, старому-то хрычу, с таким-то брюхом. Воистину грешен чрезмерным чревоугодием и винопитием. Вот и сейчас. На войне, а сам без доспехов, в одном кожаном камзоле. Что людей-то смешить, коли из-под стального нагрудника пузо выпирает.

Торопится дочурка трон занять. И с закрытыми глазами видел Король упрямо сжатые губы, сощуренные глаза, крохотные желваки на скулах. Родная кровь. Красавица. Наследница.

Но расслабляться, распускать слюни никак нельзя.

И воины, и полководцы у доченьки весьма недурственные, имеют определенные рекомендации и вполне заслуженную боевую репутацию.

И пришли они сюда не на парад. Они пришли жечь, резать, грабить. Первая кровь уже пролилась в полевых стычках и сшибках.

Ну, а свергнутого Самодержца доченька, видать, в дальний монастырь определит, дабы он там древние хроники переписывал. Благо батюшка грамоте обучен весьма.

Короткий свист, скрежет. Тупой удар. Грохот обрушенного железа. Звон разбитого стекла. Каменной крошкой Его Величество больно стегануло по щеке.

Через мгновенье он стоял, прижавшись спиной к простенку между бойницами, и сжимал рукоятку кинжала.

Государственный Канцлер, с худым и вечно печальным лицом, точно так же стоял у другого простенка. Молодой усатый красавец, Маршал королевского войска, сверкая полированными доспехам, бестолково топтался посреди площадки. Святой Отец, с чревом не уступающим королевскому, сидя на корточках, неспеша перебирал четки и внимательно оглядывался.

Более в башне никого, только узкий круг своих.

В толстой деревянной балке прочно застряла короткая и толстая арбалетная стрела. Другая, такая же, стрела сорвала со стены железный щит со скрещенными алебардами, разбив при этом фонарь дорогого витражного стекла. Третья стрела валялся на полу возле бойницы, она врезалась в гранит облицовки, и наконечником выбила каменную крошку, доставшуюся Королю.

Помолчали. Маршал наконец-то отошел к стене.

Король, крикнув, потер рукой оцарапанную щеку:

– Господа, никто ничего сказать не желает? Все-таки три стрелы влетели одновременно в узкую бойницу. Да еще с той стороны реки...

– На все воля Божья. – Проворчал, будто бы про себя, Святой Отец.

Государь вопросительно глянул на Священника.

– Не знаю я ничего. – Буркнул Отче, не поднимая глаз.

Помолчали.

– Ваше Величество. – Подал голос Канцлер, – Два дня назад к Принцессе прибыл отряд божемских наемников. Тамошние оружейники славятся мастерством, да и стрелки-арбалетчики тоже.

Король медленно поднял на него тяжелый взгляд.

– Ваша мысль, Милорд, мне ясна. Можете не продолжать.

– Маршал, – Обратился Монарх к молодому красавцу. – Вы вернулись из поездки. Когда придут поместные бароны со своими дружинами и вассалами?

– Ваше Величество. Бароны все как один, по первому...

– Маршал, – Поморщился Король. – Мне важно Ваше, сугубо личное, мнение.

– Государь. – Опустил глаза молодой воитель. – Бароны придут вовремя, дней через шесть или семь. С дружинами. Но без вассалов, без знамен и без копий.

– Рыцарская верность... Клятвы на клинках... Шкурники... – Процедил сквозь зубы Монарх.

Встряхнулся.

– Простите, Маршал, к Вам это не относится. К Вам, Канцлер, разумеется, тоже. Отче, помолитесь за меня.

– Аминь. – Понимающе кивнул Священник.

Голос Короля окреп, приобрел повелительный тон.

– Маршал, немедленно распорядитесь. Довести всем и каждому. По стенам и башням всяким бездельникам попусту не болтаться. Укрываться за зубцами. Стражу удвоить. Быть готовыми к отражению штурма. Быть готовыми к поимке ночных лазутчиков. Милорд Канц-

лер, Вам даю три дня сроку. Разберитесь. С арбалетчиками должно быть покончено. Отче, Ваша братия, надеюсь, знает, чем надлежит заняться. Если надо – пошлите людей хоть в Богемию, хоть в Индию, хоть к самому Папе Римскому.

– Что касается этого... – Государь кивнул на лежащую возле его ног стрелу, – Рассчитываю на вашу скромность, господа.

Все молча склонили головы. Один за одним вышли из башни.

Король остался один.

Он гнал от себя ползущие в голову навязчивые черные мысли. Пытался оставить ей лазейку: «Молодая ещё, глупая. Она может и не знать. Мало ли что делается без ведома королей за их спинами, их именем. Советчиков и доброжелателей у неё хватает. На Вольных Землях, в небольшом баронском замке, прикинувшись безобидной овечкой, затаилась её мать, Отверженная Королева. С чужого голоса поет девочка, с чужого ножа мед слизывает».

Не вдруг решила любимая дочурка занять семейный престол. Несколько лет назад, еще будучи пятнадцатилетней соплячкой, возмечтала она принять опеку над «выжившим из ума, спившимся отцом». Тогда, кроме конфуза, у неё ничего не вышло. И вот снова. Уже во главе целого войска.

Одного стрелка пришлось зарезать прямо на месте, ещё в осадном лагере, больно прытким и несговорчивым он оказался. Двух оставшихся доставили в замок. После страшных пыток и допросов в подвале Главной Башни, обоих утопили ночью в реке.

То, что пленники рассказали, рисовало весьма неприглядную картину. Профессиональные стрелки, они были наняты за хорошие деньги по личному приказанию Принцессы. Задача им была поставлена четкая и однозначная – Короля должно не стать. Описание внешности, привычки, ближайшее окружение, схема замка, все в мельчайших подробностях было им предоставлено.

Святая братия тоже свой горький хлеб отработала. Отцы предоставили кое-какие письма и расписки из вражьего стана, праведным путем добытые – божьим словом и стальной «фомкой».

Лазутчики кое-каких гонцов перехватили, а те перед тем, как повиснуть в петле, весьма многое порассказали.

Факты сопоставлены. Сведения перекрестно перепроверены.

В том, что любимая дочь и наследница наняла убийц сомнений у Короля не осталось.

Трофейные арбалеты притащили в арсенал замка. Дивной работы и большой цены изделия. Каждый – штучная вещь. Это не полевые самострелы, что клепают десятками.

Подросли, наконец, разудалые бароны, без вассалов, с дружинами, более похожими на свиты. Кое-кто из них тайком делал визиты к Принцессе (король не молод, к чему портить отношения с наследницей престола).

«Войско» – однако.

По ненавязчивому наущению Аббата прибыл к Принцессе со смиренным отеческим визитом Его Преосвященство Епископ. С утра до ночи канючил он над ухом Её Высочества о любви к ближнему.

Король, черт побери, был все ещё жив.

Осада как-то сама собой затягивалась.

Холодный осенний ветер гнал по небу тяжелые свинцовые тучи. Моросило. Принцесса стояла на холме напротив воротной башни. Одна, без свиты. В красном бархатном камзоле, в красном же берете с белым страусовым пером. Сощурившись, она неотрывно смотрела на угловую башню.

Снова конфуз. Наемники-стрелки куда-то запропастились. Епископ над душой навис. Надо снимать осаду и распускать войско. Оно дороговато обходиться, а деньги уже давно закончились... Снова придется возвращаться к маме в замок.

Король-отец от переговоров отказался. Любимую доченьку даже увидеть не пожелал.

Хельга про себя недобро усмехнулась: «Ничего-ничего. Пройдет совсем немного времени, и Старый Хрыч все забудет и все простит. Куда он денется от любимой-то доченьки. Посмотрим».

По всем дорогам, городам и селам Королевства проскакали гонцы-глашатаи. На всех площадях и рынках, во всех монастырях и замках гулко пророкотали барабаны и хрипло пропели трубы:

«Во имя Всемогущего Господа и Святой Девы Марии! Вопреки козням дьявола и вопреки проискам врагов Короны, единственной и неоспоримой наследницей Престола была, есть и остается любимая Королевская дочь – Хельга Благодравная! Такова Наша Королевская Воля!»

В те же самые дни далеко на севере, по раскисшей от холодных дождей дороге, брел, опираясь на длинную суковатую палку, слепой старик. Рваный плащ на нем промок до нитки. Старика бил озноб. Он был болен и голоден. Он не знал, день сейчас или ночь. Старик тихо плакал. Его звали Лир. Когда-то, еще совсем недавно, он был королем.

Королевская охота

*«Коли все любви покорны,
Дак и я покорный тож»
(Л. Филатов. «Сказка про Федора —стрельца, молодого удалца»)*

Когда-то несмышленный теленок тыкался глупой мордочкой в мамино вымя. Бычок-подросток игриво бодался со сверстниками. Молодой бык яростно бился с соперником за право обладать своей избранницей. Матерый зверь сражался насмерть с волчьими стаями и со свирепыми кабанами. Со временем он стал повелителем зверей и птиц в своем лесу, хозяином троп и водопоев, ягодных полей и зеленых лугов, соснового бора и березовой рощи. Он стал гордым владыкой своего гарема и отцом многих детей. Он стал Могучим Туром – Королем Лесной Чащи.

Воздух был чист, свеж и бодр. Воздух сам вливался в тело, словно родниковая вода. Земля слегка подмерзла. Мелкие лужицы затянуло коркой молодого ломкого льда. Листья уже опали, и в лесу стало видно немного далее, нежели летом.

Хрустя валежником и сгибая упругие ветви, Матерый Зверь выломался из чащи на опушку. Впереди путь ему преграждала река. Бык остановился. Он тяжело водил боками, с хрипом выдыхал воздух. Он был ранен в недавней схватке, терял кровь, а вместе с кровью терял и силы.

По следам Могучего Тура шла неутомимая погоня. Слышались голоса, ржание лошадей. Легкий ветерок доносил запах погони – людского и конского пота, вина, кожи, железа.

Враг был силен, жесток, коварен и неумолим. Его нельзя было победить. От него нельзя было уйти. От него нельзя было откупиться. Могучий Тур понял, что враг преследует именно его и только его, что враг не остановится, пока не добьется своего, пока не возьмет у зверя жизнь.

Бык развернулся к лесу, крепко уперся ногами в землю, наклонил вперед длинные и острые рога, ударил копытом. Он был готов к своему последнему бою.

Десяток королевских дружинников, растянувшись редкой цепью, азартно и шумно продирались сквозь чащу. Король с Аббатом шли в середине. Впереди вроде бы развиднелось. Никак – поляна.

– Впереди река. Ему никуда не уйти. – Государь неуклюже уклонился от ветки и невзначай дернул уздечку. Кони шли в поводу, они устали, да и верхом по лесному бездорожью не очень-то разъездишься.

– Он ранен и исходит кровью. – Монах показал свободной рукой на густые темные пятна, видневшиеся поверх опавших листьев, – Пора бы ему остановиться. Берегись, Государь. Зверь может напасть. Сил на последний бросок у него хватит.

– Вот он! – радостно воскликнул кто-то.

Охота зашевелилась веселее. Тяжело подпрыгивая, люди заспешили навстречу зверю.

Тур стоял изготавившись к схватке. Всхрапывал. Бил копытом. Из ноздрей его с силой вырывались клубы пара.

Наконец Король с Монахом выбрались из леса, остальные поспешали следом, один за одним появлялись на опушке. Загибаясь на крыльях, цепь окружала добычу.

– Воистину – это королевский трофей. – Восхищено прошептал Святой Отец, глядя на быка.

В самом деле. Могучий Тур высотой в холке превышал самого рослого воина, изогнутые рога его были не менее пяти локтей длиной, лоб шириной с рыцарскую грудь. Что бы перевесить его на чаше весов, потребовался бы десяток вооруженных воинов.

– Он не просто бык. Он владыка здешнего леса. – продолжал Монах. – Это великая честь для тебя, Государь.

Король, не отрывая пылающего взгляда от Тура, медленно вытягивал длинный меч из ножен.

– Все назад! – пророкотал над лесом монарший глас.

Воины выставили вперед клинки, но послушно отступили на несколько шагов назад. Законы поединка одинаково священны для всех, и для королей, и для простых дружинников, и для лесных зверей.

Лесной Владыка сразу высмотрел и выделил Короля из прочих. Теперь он смотрел только на него одного. Он без сомнений признал противника достойным и равным себе.

Вложив всю мощь луженой глотки в протяжный боевой клич, Государь ринулся в атаку.

Тур ответил могучим ревом и тяжело поскакал навстречу врагу.

Все случилось быстро, в единой схватке. Противники сшиблись. Его Величество далеко отлетел, отчаянно молотя по воздуху руками и ногами, и грузно плюхнулся спиной на землю. Зверь сделал еще пару шагов вперед, остановился, медленно опустился на передние колени и завалился на бок. Кровь толчками уходила из глубокой раны на его шее. Взгляд медленно угасал.

Король, тяжело опираясь на окровавленный меч, с трудом поднялся, Сильно прихрамывая, он подошел к поверженному врагу. Победитель Тура твердо уперся ногой в огромную тушу, он широко развел руки, поднял лицо к небу и радостно во все горло захохотал.

Соратники грянули мечами о щиты и, потрясая над головами оружием, издали дружный ликующий рев.

Лес скорбно молчал.

Отторочили от седла бурдюк с вином. Кто-то протянул Монарху полный кубок. Тот жадно выпил хмельное зелье и не глядя отшвырнул пустой сосуд. Бурдюк пошел по кругу среди воинов.

– Ваше Величество! – Юный паж краснел от волнения и от выпитого вина. – Ваш нынешний подвиг будут помнить в веках! Менестрели сложат баллады в Вашу честь! Рыцари из далеких стран будут приезжать в Ваш замок, что бы только увидеть столь невиданный трофей, как эти грозные рога!

Король благосклонно кивнул:

– Ты хорошо сказал, юноша.

Подошел Аббат:

– Сразить такого гиганта одним ударом меча, и при этом самому остаться в живых. Это – настоящий рыцарский подвиг, Государь. Мальчик прав, память о Короле-Быкоборце останется в веках.

Венценосец не ответил, он молча смотрел за реку. Там, не далее, чем в трех милях виднелись зубцы на стенах большого замка. Это были владения Злобного Маркграфа. Хозяин дома отсутствовал. Всем было известно, что он уже второй год сражается в далеких землях с непокорными саксами. А вот красавица Графиня осталась одна и целыми днями попусту грустит у окна, вроде как – ждет не дождется своего господина.

Даже придворные поварята хорошо знали, что в присутствии Прекрасной Графини Король начинал краснеть, заикаться, говорить несуразное и совершать нелепые поступки. Поговаривали шепотом, что Старый Хрыч мечтает обрести благосклонность красавицы и лелеет надежду открыто провозгласить ее своей Дамой Сердца.

Святой Отец при случае увещевал своего государя:

«Ты сам обременен браком, Королева, хоть и отвержена, но она твоя законная супруга»;

«Графиня является дамой замужней, а ее супруг, хоть и предается в данное время военным забавам, однако жив и отменно здоров»;

«Император и Папа ну никак не одобряют твоих подвигов на поприще куртуазных утех»;
«Совсем не обязательно выставлять твои с ней отношения всем напоказ».

Но все это опять же шепотом.

И Король пристально глядел на замок. А Монах с грустью смотрел на Венценосца.

– Подойди ко мне! – Король кликнул давешнего пажа.

– Я к Вашим услугам, Мой Государь! – Юноша с обожанием глядел на своего повелителя.

– Возьми вон тех троих воинов. Отсеките голову у быка, да не скупитесь, отсекайте так, чтоб было вместе с шеей. Вырежьте сердце, да поаккуратней, чтобы оно целым было. Отвезете голову и сердце вон в тот замок. Ниже по течению есть брод, там вы перейдете реку. На своем щите преподнесешь Графине бычье сердце, а на моем большом щите преподнесешь ей бычью голову. Ну и от моего имени скажешь там что-нибудь, что приличествует в подобных случаях. Я слышал, что ты сведущ в куртуазной словесности. Так уж постарайся ради своего господина. Все что будет сказано и сделано при этом, запомни в подробностях. После мне расскажешь.

– Все будет исполнено с усердием и в точности, Ваше Величество. – Юноша сиял от гордости за оказанное доверия, светился от счастья лицезреть неземную красоту женщины, о которой судачила вся округа.

Монарх обернулся к притихшим воинам:

– Что приуныли, други? Или бычьей головы пожалели?

– Да уж больно трофей хорош. – Пробормотал кто-то.

– Рога бы знатно смотрелись в каминном зале. – Вторил ему другой.

Прочие загалдели:

– Язык бычий, сердце – чистое мясо...

– А губы, а щеки, а мозги...

– Э-э-эх...

Король развернул плечи, выпрямил спину, задрал подбородок. Взгляд его сделался жестким.

– Или я не в праве своем?!! – Взревел он. – Или я не первый рыцарь Королевства?!! Или, как рыцарь, я не вправе посвятить боевой трофей Даме Сердца?!!

Все затихли. Слова заветные «Дама Сердца» были сказаны перед небесами и перед людьми. Холодный осенний ветер разнесет их теперь по замкам и монастырям, по городским площадям и базарам, по дорогам и харчевням.

– Ваша доблесть, Государь, и Ваше благородство служат достойным примером для всего нашего рыцарства. – Проговорил Аббат.

– Слава Благородному Рыцарю! Слава Королю! Слава Прекрасной Даме! – Вразной загалдела дружина.

– Слава!!! Слава!!! Слава!!! – Уже бодро и дружно гремело по лесу.

Пир удался на славу. Звано было множество гостей. Участники охоты глядели соколами. Подробности охоты передавались из уст в уста и приобретали все более и более героический характер. Окончание же охоты описывалось исключительно в романтическом духе.

Столы ломились от яств.

Горячий хлеб – прямо из королевской пекарни.

Жареные карпы – прямо из монастырского пруда.

Утиные яйца, деревенский сыр, тушеные овощи, крепкие румяные яблоки, черные маслины.

Но главным блюдом на столе было мясо добытого на охоте быка. Его было в изобилии. Оно было изжарено большими и малыми кусками, на вертелах и на противнях, с заморскими специями и под домашним соусом.

Вина, пива, браги было вдоволь и на любой вкус.

Жарко трещали дрова в каминах. Ярko пылали факелы.

Играли музыканты. Кувыркались акробаты. Кривлялись шуты.

Шумно веселились воины Короля. Чинно восседали их дамы. Вздвигивали и похихикивали прислуживающие за столами кухонные девки. Рычали над обглоданными костями собаки.

Виновник торжества восседал во главе стола. В этот день он с полным правом чувствовал себя властным монархом, героем, великим охотником и благородным рыцарем. Он благоклонно принимал почести. Он от всей души веселился. Он отпускал соленые шутки, хохотал, осыпал приближенных милостями. Он много пил, много ел и был, что говорится, душой праздника.

В самый разгар веселья в пиршественный зал торжественно вошел давешний паж, тот самый, которого Король отправил к Графине с дарами. Следом за ним шествовали трое воинов. Юноша нес на вытянутых руках большой серебряный поднос, на подносе возвышалась целая гора отборных гроздей алой рябины. Поверх ягод лежал небольшой шарф, скорее платок, в котором явственно угадывались цвета Прекрасной Дамы.

Стихла музыка. Замолкли гости. Затаились по углам шуты и акробаты. Лишь трещали дрова в каминах, да ворчали собаки под столом.

Король медленно поднялся с кресла. Что-то со звоном посыпалось со стола. Щеки и уши Его Величества заливал густой румянец. Глаза светились.

– Говори. – Хрипло проговорил Государь.

– Мой Король, Прекрасная Графиня из Замка за Рекой приняла Ваши дары и, в свою очередь, прислала Вам знаки своей любви и преданности. Эти спелые грозди она собирала своими руками, а этот платок ранее хранился у нее на груди.

– Так Графине понравились мои дары? Что она говорила? Рассказывай-же!

– Мы были приняты весьма радушно. Увидев дары, Прекрасная Госпожа была несколько смущена, но в то же время приятно взволнована. Дары несомненно принесли ей большое удовольствие.

– Продолжай, мой юный друг.

– Чаровница поднесла мне кубок с вином из своих рук и повелела мне рассказать о Вас во всех подробностях.

– Подать сюда вина! Пей, юноша, Пей и говори.

– Я выпил сладкое и душистое вино, затем взял в руки лютню и долго пел Юной Волшебнице о Ваших славных подвигах и о Вашей великой любви к ней. Слова сами собой рождались на моих устах, уплывали под высокие своды замка и сплетались в балладу.

– И она слушала?

– Она слушала, как замороженная. Местами смеялась, местами смущалась, местами роняла слезы. Этот платок впитал капли её слёз, Государь.

Король взял с подноса платок Графини, поднес к лицу и, зажмурившись, шумно вдохнул его запах. Затем он взял гроздь рябины, положил в рот ягоды и медленно сжевал их.

– Ты заслужил награду, верный паж. – Проговорил Самодержец.

– Я уже получил награду, мой Государь. Прекрасная Дама одарила меня золотым перстнем с изумрудом. Простите меня, Ваше Величество, но я не посмел отказаться. Воины же получили по золотой монете каждый.

– А теперь ты получишь королевскую награду!

Король будто бы преобразился. Он стал словно выше ростом и шире в плечах. Лицо его побледнело и приобрело строгость. Голос стал звучен и торжественен.

– Встань на колени, юноша. – проговорил он и медленно вытянул из ножен свой меч.

Паж, еще не веря в происходящее, опустился на одно колено и низко склонил голову. Король плашмя коснулся лезвием плеча юноши:

– Будь благороден, верен и храбр. Посвящаю тебя в рыцари. Встань.

Посвященный резво вскочил и выпрямился. Король же ни слова больше не говоря со всего размаха влепил ему увесистую пощечину. Только голова мотнулась да на разбитой губе кровь выступила.

– Это последняя в твоей жизни пощечина, на которую от тебя не последует ответа. – Проговорил Государь. – Нарекаю тебя Рыцарем Бычье Сердце.

С этими словами Венценосец отстегнул свой меч и опоясал им новоиспеченного благородного рыцаря. После он сорвал с пояса кошель с золотом и кинул его ближайшему из трех воинов, сопровождавших юношу к Графине:

– Вы же, храбрые воины, отныне будите служить этому благородному рыцарю. Служите так же верно, как служили мне. – Он обвел взором пиршественный зал и зычно прокричал – Слава благородному рыцарю Бычье Сердце!

– Слава! Слава! Слава! – Дружно загремел замок.

Когда шум стих, Король поднял руку и громогласно приказал:

– Подать мне коня!

Сквозь расступившуюся толпу он широким уверенным шагом двинулся к выходу.

– Куда же Вы, Ваше Величество. Остановитесь. – Едва не рыдая взмолился Аббат.

– Как первейший и благороднейший рыцарь Королевства я не могу позволить, что бы Дама Сердца ждала меня напрасно.

– Слава Королю! Слава Благородному Рыцарю! Слава Прекрасной Даме! – Вновь загре-
мел ликованием замок.

Король с головой бросился в омут «медового месяца». Целыми днями и ночами он про-
падал в замке своей Прекрасной Дамы. Их везде и всюду видели вместе. На охоте и на званом
пиру, в храме Господнем и в придорожно таверне, на городской ярмарке и на деревенском
празднике, на торжественных выездах и на воинских смотрах, на турнирах и на прогулках.
И везде Король был рука об руку, стремя к стремени со своей возлюбленной. У обоих глаза
сияли счастьем, щеки горели румянцем, грудь волновалась дыханьем. Они были, на редкость,
красивой парой Он был заботлив. Она была нежна. Он источал властность, силу и зрелое муже-
ство. Она источала игривость, грацию и молодой задор.

Монарх вовсе устранился от дел державных, полностью посвятив себя Прекрасной Гра-
фине.

Однако хорошо отлаженный государственный механизм работал по-прежнему без сбоев.

Канцлер берег и преумножал королевскую казну, ревностно взымал подати со смердов, торговцев, мастеров и прочего люда, трясся над каждой монеткой, не ленился поднять с земли даже ржавый гвоздь или потерянную подкову.

Маршал по своему разумению двигал отряды по приграничью. В коротких и жестоких схватках добывал славу себе и мир королевству.

Аббат вершил суд праведный над королевскими подданными, принимал послов иностранных, отправлял вдаль гонцов скорых.

Крестьяне пахали землю, купцы торговали прибыльно, разбойники разбойничали понемногу, бароны пьянствовали безудержно. Страна жила своей жизнью. Люди с легкой завистью радовались за своего Короля и его подругу. Аббат с легким сердцем отпускал им грехи и дарил свое благословление.

Так прошла мягкая бесснежная зима, миновала бурная цветением весна, подходило к концу лето.

В один из дней, в разгар очередной королевской охоты, к Государю подскакали верхами Аббат и Маршал.

– Государь! Прибыл гонец с вестями! – Не слезая с коня, прокричал Молодой Воитель.

– Что там еще? – Недовольно через плечо проворчал Венценосец.

– Ваше Величество, Герцог и наследник Императорского Престола, распустил свое войско. Война с саксами закончена.

– Ну и слава Богу.

– Ваше Величество, законный супруг Прекрасной Графини прямо сейчас скачет во весь опор к своему родовому замку и прямо-таки жаждет заключить свою жену в жаркие объятия.

– Ка-ка-как в объятия... Этому не бывать! – Его Величество аж поперхнулся от такого неожиданного поворота событий.

– Не горячитесь, Государь. Закон и правда на его стороне.

– Я – Король! Я – рыцарь, черт побери!

– Ты христианин, сын мой. Подумай-ка лучше, как спасти Графиню от праведного мужнего гнева. – Аббат уже слез с лошади, разминал ноги и смотрел на Государя снизу-вверх.

– Найдем убежище. Да хотя бы и у тебя в Обители. Ведь не прогонишь?

– Ну ты и удумал... – Пришла очередь Святому Отцу поперхнуться от предчувствия столь великих хлопот.

Однако спасти Прекрасную Даму Сердца Королю и Аббату не пришлось. Прослышав о скором и неминуемом возвращении грозного мужа, Графиня под покровом ночи тихо и незаметно исчезла из своего замка. Вместе с ней исчезли драгоценные украшения с камнями, меха и шелка, золото и серебро. Следы Чаровницы вскоре отыскились в большом торговом городе, где она незамедлительно оказалась в объятиях Богатого Скототорговца. На пристани Купца ждала роскошная галера, на коей любовники благополучно и отбыли в дальние страны.

Королю остались на память сморщенные сухостью и покрытые пылью ягоды рябины да смятый платок.

Маркграфу остались на память великолепные туры рога.

Король стойко принял свой неслыханный разгром на полях кургузых сражений. Он выпил объемистую флягу крепкого кипрского вина. Метнулся на недельку к Маршалу в приграничье. В короткой жаркой схватке знатно получил шестопером по шлему. Еще недельку повалялся в горячке под надзором лекаря и Аббата. И, как новенький, явился перед народом во всей своей красе на очередной деревенской свадьбе. Он от души хлебнул крепкой крестьянской браги, щедро одарил молодых серебром и лихо оттанцевался с тещей жениха, обалдевшей от монаршего внимания на всю оставшуюся жизнь. А потом Монарх всерьез и надолго с головой погрузился в государственные дела.

Как-то в дороге, следуя по делам державным, сподвижники государевы, как бы невзначай, завели разговор.

– А ведь Маркграф затаит на тебя злобу, Ваше Величество. – Задумчиво произнес Аббат.

– Войной что ли на меня пойдет? – Самодовольно ухмыльнулся монарх.

– Силенок у него маловато, не стоит даже волноваться, раздавлю, как лягушку. – Отозвался Маршал.

– Ну и на поединок он меня не вызовет. – Уже серьезно произнес Король. – На ристалище у нас с ним шансы будут равными, а Маркграф – человек расчетливый, он бьет только наверняка.

– Он может потребовать суда. – Предположил Святой Отец.

– А что он может предъявить?! – Возмутился Король. – Что, мол, Благородный Господин и Благородная Госпожа почтили своим присутствием городскую ярмарку, или приняли приглашение знатного вельможи на пиршество, или отстояли всенощную в храме Господнем?! Так что же здесь такого?!

– Но ведь слухи-то... Молва людская... – Замялся Аббат.

– Никто нас с Графиней никто за ноги из сеновала не вытаскивал, и никто свечку нам в опочивальне не гасил.

– У Маркграфа высокие покровители. – Вздыхнул Священник.

– Ерунда. – Расхохотался Король. – Ко мне благоволит сам Император, а ты, Отче, пользуешься благосклонностью самого Папы.

Аббат перекрестился и махнул рукой. Маршал расхохотался вслед за своим Монархом.

Ку-ку. – Съехидничала лесная кукушка.

Бегство

*«Кто смеет обижать нашего
славного, нашего рубаху-парня, ... нашего королька?»
(Е. Л. Шварц. «Обыкновенное чудо»)*

– Стой! – зычно прокричал Король, подняв над головой ладонь в латной рукавице и натянув поводья гарцующего коня.

На самом деле он что-то тонко присвистнул пересохшей глоткой и махнул ладонью возле уха, как комара отгонял. Кляча под ним споткнулась и остановилась сама, хрипя и водя боками не хуже самого Короля. Разношерстная кавалькада всадников, постепенно вытянувшись из леса, нестройно столпилась на поляне.

Свита Монарха была еще как великолепна. Лошади – всех мастей, пород и возрастов. Сбруя – лучше не смотреть. Стайка всхлипывающих юных пажей в изорванных плащах, хранящих следы гордых гербов и вензелей. Прыщавый подросток-оруженосец с расквашенным носом и огромным двуручным мечом поперек седла. Лысый повар с жутким тесаком за поясом и в кожаном переднике поверх волосатого торса. Двое безоружных стражников в плоских касках, кожаных колетах, но босиком. Канцлер в бархатном домашнем халате, но с шестопером в руке. Бродячий звездочет в скромном камзоле, в замшевых сапожках и с кривой сарацинской саблей на боку.

Вместе с Королем – ровно дюжина.

Его Величество лихо соскочил с седла (запутался в стремени и плюхнулся жирной спиной в дорожную пыль, беспомощно задрав вверх конечности). К нему подбежали, запоздало засуетились, помогли.

Король, тяжело отдуваясь, отсутствующим взглядом смотрел на свою лошадь. Лошадь, устало дыша, в свою очередь косила глазом на Короля. С её морды свисали клочья пены. У Короля на кончике носа висела большая мутная капля. На роскошном его поясе болтались пустые ножны без кинжала.

Уже брезжил рассвет. Меж кустами клубились клочья тумана. Трава сырела от росы.

После взбалмошной ночной скачки по лесным проселкам, пора было, наконец, остановиться и отдышаться. Определиться, наконец, что делать дальше. И лошади, и люди выдохлись.

По одному, вразнобой, люди начали спешиваться, поправлять сбрую, осматривать коней. Кто-то из пажей, нетерпеливо подпрыгивая и треща на ходу ветками, отбежал в густой кустарник.

Молчали.

«Ни... себе поужинали» – Приходя в себя, подумал Король, – «Из собственного замка, из-за пиришественного стола, его, коронованного и помазанного монарха, в мгновенье ока вышибли к чертовой матери. Как котенка. И кто?!» На краю сознания зацепилось: «Кто? Кто? Кто...»

Скромно ужинали в узком кругу. Засиделись допоздна. Мило беседовали. Канцлер рано ушел спать. У Аббата, как всегда были свои дела в обители. Благородный Странствующий Рыцарь, гостивший у Короля, участвовал в беседе номинально. Он постоянно что-то откусывал, жевал, глотал, отхлебывал, согласно кивал головой. Звездочет, видно выпил лишнего, и нес какую-то ересь, будто бы Земля сама круглая, и вокруг Солнца вращается.

Вдруг – крик, шум, звон, треск. В парадных дверях какие-то бородатые рожи, клинки, факелы. Стол опрокинут. Посуда об стены. Табуретки в окна.

Рыцарь был убит сразу. Моргенштерном ему угодило прямо в узкий покатый лоб.

Звездочет, зажавшись в углу, ловко оградились блестящим вихрем клинка сразу от двоих мечников.

Мальчишка-паж с визгом скакал на четвереньках по полу, путаясь у всех под ногами. Здоровущий детинушка, радостно осклабясь, тыкал вокруг него страхолюдного вида алебардой.

Юный оруженосец пытался окольчуженным рукавом унять кровь из разбитого носа. Свободной рукой он волочил куда-то по полу тяжеленный двуручный меч.

Кинжал короля уже торчал в горле одного из нападавших – дюжего верзилы. Другой верзила от молодецкого монаршего пинка с воем влетел спиной в жарко пылающий камин.

Но уже тяжело повисли на плечах. На голову тянули вонючий мешок. Мелькнула мыслишка: «Конец...». Колени сами собой дрогнули. Спина похолодела.

От лихого удара с треском слетела с петель неприметная дверь в людскую. Разом взревели в боевом кличе луженые глотки. Контратаку возглавлял канцлер в домашнем халате и с шестопером над головой. Главной ударной силой был полуголый повар, бугай с мясницким тесаком в руках. Во втором эшелоне наступали два пожилых стражника вооруженных факелами и массивными табуретами.

Все, кто был в зале, ринулись на прорыв.

– За мной!!! – Ревел помятый в драке Король, – К лошадям!!!

Куча-мала из сцепившихся тел, своих и чужих, с жутким разноголосым воем, со звоном стали и с треском ломающегося дерева, прокатилась через людскую, на кухню и во двор. За ней тянулся мокрый и скользкий след, валялись обрывки одежды, части доспехов, уши, пальцы, обломки мебели, скрюченные неподвижные тела. Во дворе – врассыпную. Кто в темноту закоулков, кто к коновязи.

Рубили поводья. Кто охлюпкой, кто с седлом, кто с попоной. Пригнувшись к гривам, по одному, тяжелым галопом скакали к воротам. Повезло – ворота были аккуратно открыты, мост опущен. На земле, освещенные луной, неподвижно застыли тела четырех стражников. Разгоняя лошадей в карьер, мчались через мост, по дороге, в лес.

Беглецов никто не преследовал.

Со стороны зрелище было, видать, еще то. Все двенадцать персон, невзирая на титулы, чины и звания, стояли в ряд на коленях, опершись ладонями о землю и низко опустив головы. Их седалища были дружно обращены к небесам. Ни дать, ни взять – сарацины на молении. Все молча и жадно тянули губами студёную воду из чистого лесного ручья.

Светало.

Первым оторвался от воды Канцлер в халате. Вспомнил об этикете. Все-таки, придворное положение обязывает:

– Как Вы себя чувствуете, Ваше Величество?

Король фыркнул в ручей и витиевато, с выражением, подробно объяснил Канцлеру, как Его Величество себя чувствует.

Пажи густо покраснели.

Стражники перекрестились.

Повар, округлив глаза, молча шевелил губами – запоминал слова.

– Благодарение господу. Отец-настоятель нас не слышит. – Будто бы про себя произнес Звездочет.

– Ничего. Скоро услышит. – Рывкнул Король, уже твердо стоящий на ногах. – Едем в Аббатство.

– По коням!!! – Пророкотало в предрассветной лесной тиши.

Расщebetавшиеся было поутру лесные пичужки, испуганно смолкли.

Ковыляя и спотыкаясь, едва не падая, кавалькада гуськом скрылась в лесной чаще.

– Ку-Ку, – Невпопад ляпнула глупая птица.

Мерно, с длинными промежутками, звякал церковный колокол. Над обителью курился легкий дымок – грели в котлах смолу и кипятки на всякий случай, для встречи непрошенных гостей. По невысоким, но крепким стенам, смиренно перебирая четки, бродили монахи с кистенями под рясой. Ворота наглухо закрыты. По окрестным дорогам, в веригах и в рубище, расплозились убогие и юродивые с умными глазами и внимательным цепким взглядом.

Во дворе под навесом, на ветерке, подальше от чужих ушей, расположились трое – Король, Канцлер и Отец-Настоятель. Стол был накрыт скромно – хлеб, сыр, вино, недозрелые кислые яблоки.

Его Величество уперся взглядом в кувшин и нервно крошил пальцами хлеб на столешницу:

– Отче. Нам нужна твоя помощь. Золото, оружие, одежда, лошади, припасы. Мы направимся к Маршалу. У него войско. Соберем баронов, всех вассалов. Двинемся всей силой на Мрачного Маркграфа.

Аббат отхлебнул вина из кружки:

– Зачем отвлекать Маршала и войско от важного государственного дела? На границе нынче неспокойно. Терпеть набеги степных разбойников более нельзя. Маршал их разгонит, вожakov пленит, отъявленных казнит, раскаявшихся помилует. Казну ихнюю опять же к рукам приберет. Королевству прибыль.

– Отче! Ты забыл?! Меня, Короля милостью божьей! Вышвырнули из собственного замка! Как нашкодившего щенка!

– Кто? Ваше Величество? – Ласково спросил священник.

– Как это кто! Маркграф мстит мне самым подлым образом!

Святой Отец начал отчитывать Монарха, как мальчишку:

– Сын мой. Разве ты получил вызов от Маркграфа? Разве ты слышал звуки его боевых рогов под стенами своего замка? Разве ты видел его гербы и штандарты? Вокруг все спокойно. Никакого чужого войска в пределах королевства нет.

Король, разинув рот, молча смотрел на Аббата.

– Государь. – Канцлер ковал железо, пока горячо, – Отче прав.

Не закрывая рта, Король перевел взгляд на Канцлера. Тот продолжал:

– Не хотите же Вы, Ваше величество, стать посмешищем для всего христианского мира. Не хотите же Вы, что бы Ваше высокородное имя трепалось каждой продажной девкой, во всех харчевнях и на всех рынках. О ночном происшествии в Замке никто не должен знать истинной правды.

– Пусть пройдет такой слух. – Продолжил священник, – Намедни Вы с малой свитой смиренно отправились из Замка в Аббатство, дабы, во искупление мирского греха чревоугодия, поклониться нетленным мощам Святого Сульпиция. Во время Вашего отсутствия замок посетили паломники, возвращающиеся из Святой Земли. Вашими слугами им были оказаны должный почет и гостеприимство. Паломники же неблагодарно воспользовались Вашим отсутствием и проявили неучтивость к Вашему дому. Посему они с бесчестьем были выдворены слугами из Замка, и направились далее своим путем. Поклонившись же святым мощам и погостив у Отца-настоятеля несколько дней, Ваше Величество в скором времени вернется в Замок.

Король закрыл рот и моргнул глазами. Зарычал:

– Куда я вернусь?! На пепелище?! В засаду?! С кем?! С пажами?!

– Государь. Голову даю на отсечение, что в Замке уже нет ни одного чужака. Думаю, что даже казна цела. – Гнул свою линию Канцлер.

– Ваше Величество сегодня же может направить в Замок одного из своих благородных рыцарей, чтобы тот подготовил его к Вашему прибытию – Предложил Аббат.

Король молча моргал глазами, переводя взгляд с монаха на вельможу и наоборот.

– Вчера, доблестно защищая Ваше Величество, пал Благородный Странствующий Рыцарь. – Задумчиво проговорил Канцлер, – Его оруженосец отважно сражался в том бою, не уступая в храбрости и в воинском искусстве своему господину.

– Его и пошлите в свой замок, Ваше Величество. – Завершил мысль Отец-Настоятель, – А обитель позаботится об экипировке молодого рыцаря и его свиты.

Через час все формальности были улажены. Ритуалы выполнены. Подросток был осенен королевской дланью, после чего срывающимся петушиным голосом радостно прокричал слова рыцарской клятвы. Новоиспеченному Рыцарю был дарован герб, назначен оруженосец (самый старший мальчик из пажей) и два пажа (для солидности).

Сияющий и гордый юноша с разбитым носом, в новеньких (кое-где ржавых) доспехах и с большущим мечем, со своим собственным гербом на щите, в сопровождении собственной малолетней свиты, отправился отвоевывать Королевский Замок.

– Но я хочу видеть этих негодяев повешенными на стенах моего Замка! – Рычал на всю обитель слегка подвыпивший Самодержец, – Я хочу знать, кто посмел осквернить мой дом! Где эти «паломники»?!

Монахи уже приодели Короля и его спутников. Накормили. Приволокли откуда-то оружие. Привели свежих коней. Принесли седла. У Короля и у Канцлера на поясе появились туго набитые кошельки.

Все не так уж и плохо.

Уже стемнело. Южное небо тихо сияло мириадами звезд. Над головой нежно светился млечный путь. Пели цикады.

Под навес неслышно подошел монах:

– Государь. К Вам проситься человек.

– Пусть подойдет.

При неверном свете факела плохо были видны лицо и одежда незнакомца. Походка, уверенная. Не стар. Видимо, силен и ловок.

Человек преклонил перед Королем колени, склонил голову.

Король подобрел:

– Встань. Кто ты? Чего ты хочешь?

Незнакомец встал, распрямил плечи, вздернул подбородок:

– Люди называют меня «Лесным Бароном», Государь. Я...

– Как ты посмел?! – Зарокотало под навесом, – Как ты посмел явиться предо мной?! Я прикажу повесить тебя! Немедленно!

– Ваше Величество. – Вмешался Аббат, – В святой обители каждый христианин может рассчитывать на приют, покровительство и защиту. Вели ему говорить.

– Хорошо. Пусть говорит.

– Государь. – Промолвил «Лесной Барон», – Нынче в лесу я встретил паломников. Несмотря на поздний час, они спешили напрямик, через чащобу, в сторону Рудных Гор. Двоих я уговорил предстать перед тобой. Четверо же предпочли найти успокоение в лесном овраге.

– Отче. – Обратился Разбойник к настоятелю, – Помолитесь за их грешные души.

– Аминь. – Отозвался Настоятель.

– Паломники... – Король кровожадно ощерился, – Где они?

Из темноты на свет факелов вытолкнули двоих связанных «паломников». Детинушки были оба богатырского сложения. Смотрели волками, исподлобья.

– Канцлер! Стража! Глаз не спускать. Самим не спать. Доставить в Замок живыми. Головой отвечаете!

– Какой награды ты ждешь? Ты, смеющий называть себя «Лесным Бароном».

– Служить королю – долг верноподданного, Ваше Величество. – Опустил голову Разбойник.

Король помолчал. Хмыкнул.

– Мы не оставим своей монаршей милостью того, кто именует себя «Лесным Бароном». Кивнул головой. Аудиенция была окончена.

Над башнями Замка развевались Монаршие флаги, гербы, разноцветные ленты. На стенах торжественно застыла немногочисленная, но грозная стража. Приветственно взревели трубы и дружно грянули барабаны. У раскрытых настежь ворот сиял начищенными латами Молодой Рыцарь, щеголяли разноцветными плюмажами и герблеными плащами его юные слуги. С кухни призывно доносились нестерпимые запахи жареного мяса и свежее испеченного хлеба. Король со свитой гордо возвращался в Замок.

Ночное происшествие было странным.

Это не походило на нападение с целью захвата Замка, грабежа.

Нападающих было немного, с дюжину. Под вечер они неприметно прошли через ворота под видом припозднившихся путников. В наступившей темноте достали хорошо замаскированное оружие. Тихо вырезали стражу у ворот. Как свои люди, они пересекли двор. Внезапным коротким ударом ворвались в Королевские покои.

Когда Король с немногочисленными спутниками ускользнул (драпанул, куда глаза глядят), нападающие незаметно исчезли из замка, даже не попытавшись грабить. Ни одна постройка не сгорела. Никто из безоружной дворни не пострадал. Погибло полдюжины человек – рыцари, стражники, пажи. Трех или четырех человек невзначай покалечили.

Характерно, что своих убитых и раненых нападающие унесли с собой.

Началось. Пошла работа.

Дворня и стража усиленно (по секрету) распространяли среди простолюдин по рынкам и харчевням, легенду о неучтивых паломниках, изгнанных из Королевского Замка.

Подвалы главной башни оглашались по ночам звериным воем пытаемых ради допроса пленников. По площадям, по дорогам и перекресткам, сновали «божьи люди», убогие, юродивые. Прислушивались, высматривали. Иногда тайком совали в ладонь нужному человеку золотую монету (это нищие-то).

Из Аббатства во все четыре стороны света широким солдатским шагом разошлись посланцы, монахи, смиренные слуги господни. Куда и зачем, с какими поручениями и наказаниями, одним им ведомо.

Шли дни и недели. Канцлер еще больше похудел и осунулся. Маршал передвинул войско поближе к Замку. Святой Отец часто и сокрушенно вздыхал, бормоча то ли молитвы, то ли, наоборот, богохульства.

Король, трезвый и раздражительный, с изяществом бегемота в посудой лавке, вершил насущные государственные дела. Иногда, ближе к ночи, к нему приходили какие-то подозрительные личности, разговаривали при закрытых дверях. Звякало в тишине золото.

Большая Королевская Охота была в разгаре. Трубили рога. Заливались лаем и рвались с поводков борзые. По оврагам затаились осторожные волки. Бравые бароны азартно гоняли по крестьянским полям перепуганных зайцев. Над кострами, постоянно чем-то посыпаемые, поливаемые, натираемые, медленно проворачивались на вертелах цельные туши кабанов и оленей. Иноземные послы галантно и настойчиво оказывали знаки внимания благородным дамам. Благородные дамы, раскрасневшись от верховой езды, пряча под длинным ресницами «чертей» в глазах, сдавали назойливым кавалерам одну позицию за другой. Все шло своим чередом. Такой мелочи, как отсутствие Короля, никто не замечал.

В честь престольного праздника «Исцеления Всех Язв Святого Йоргена», ворота монастыря были открыты настежь. Церковный колокол радостно звякал на всю округу. Вереницы прихожан степенно тянулись к святому причастию. Возле ворот на громадном противене аппетитно шкворчали «карпики по-монастырски». Рядом, на деревянных козлах, была водружена огромная винная бочка. Тут же стояли корзины со свежее выпеченными хлебами. «Угощайтесь, добрые христиане». На такие мелочи монахи не скупились.

Во дворе обители, под навесом, подальше от чужих глаз и ушей, расположились Король, Канцлер, Отец-Настоятель и Молодой Маршал. Стол, по случаю скоромного дня и престольного праздника, был накрыт весьма изобильно.

Маршал радовал глаз молодецкой статью, здоровым аппетитом, румянцем во всю щеку и девственной чистотой внутричерепного пространства. Он увлеченно терзал белоснежными зубами жареную баранью ногу, с искренним обожанием и преданностью взирал голубыми глазами на Короля.

Канцлер сосредоточенно жевал пучок петрушки.

Святой Отец, перебирая четки, отсутствующим взглядом смотрел на запеченную до румяной корочки сочную куропатку.

Король неспеша тянул из кубка крепкое монастырское вино и забывал закусывать. Молчали. Все уже сказано. На душе было тягостно.

Нужные в государстве люди – монахи и нищие, купцы и разбойники, послы и уличные девки, по крупинке собирали требуемые сведения. Канцлер с Аббатом сложили из них «мозаику».

В общем-то, подданным Королевства ничего не угрожало. Как раньше жили, так и дальше жить будут.

А вот лично Короля, ни войско, ни стены Замка, ни Император, ни Папа защитить не могли. Единственной защитой, для него лично, мог стать только маленький и сморщенный, пищащий и обкаканый, комочек живой плоти с Королевской голубой кровью в жилах.

Король же прямых наследников по мужской линии не имел.

Принцесса-Наследница недавно вышла замуж, и сама стала полновластной Молодой Королевой во владениях своего супруга. Своя семья, свой дом, свои заботы.

Незначительный, казалось бы, эпизод, ночной налет бандитов на Королевский Замок, имел глубокие корни и грозил серьезными последствиями.

Отряд профессиональных наемников, небольшой, но слаженный, ворвался в Замок с целью похитить и тайно увести Короля. Затем, на нейтральной территории Вольного Города, в присутствии Имперского нотариуса и Папского нунция, требовалось принудить плененного Венценосца «добровольно» подписать дарственную грамоту на все свои земли, промыслы, замки, города, казну в пользу Отверженной Королевы. Такие мелочи, как Жизнь и Корону, ему оставляли. Но оставляли их лишь до поры, до времени. Бандиты же были наняты Злобным Маркграфом, примкнувшем к заговору по своим известным причинам.

Нотариус и нунций получили мзду немалую от Отверженной Королевы. Все бумаги были составлены ими в её пользу, заранее скреплены имперскими и папскими печатями.

Все это королевскими людьми было проверено и перепроверено, подтверждено документально и неопровержимо.

Папский нунций в личном письме к Отцу-настоятелю горько покаялся в грехе мздоимства и лжесвидетельства касательно королевского имущества (под угрозой публичного разоблачения его пристрастия к греху содомскому).

Имперский нотариус честно рассказал все подробности преступной сделки «Лесному Барону» и добровольно отдал ему все заранее заготовленные документы с подписями, имперскими и папскими печатями (после чего он был развязан и вынут из петли).

«Паломники» на допросах дружно признавали своим хозяином и повелителем Мрачного Маркграфа, в деталях описывали план похищения Короля, маршруты, адреса, имена.

Сообщали так же, что Маркграф нынче является частым и желанным гостем в замке у Отверженной Королевы.

Сообщали, что Отверженная Королева, при помощи Маркграфа, уже завладела землями и имуществом престарелого Седого Короля, и что последний, нищий и больной, доживает свои дни в собственном замке лишь из милости захватчиков.

Сообщали так же, что Принцесса-Наследница, ныне уже Молодая Королева, и ее муж, Молодой Король, весьма одобрительно взирают на аферы Отверженной Королевы и Мрачного Маркграфа.

Туча на горизонте собралась не малая. Черная. Грозная.

Когда-то, очень давно, три кудрявых карапуза с воинственными криками дружно рубили деревянными мечами густые заросли репейника и крапивы.

Потом, в день Великой Битвы, трое юношей в изорванных кольчугах, забрызганные своей и чужой кровью, стоя плечом к плечу, мечами, иззубренными о чужое железо, отчаянно рубились с толпами наседающих мавров.

Они воевали и пировали, охотились на туров и служили прекрасным дамам, бражничали и развратничали, бились на турнирах и зачитывались Вергилием.

Они вместе выпили море вина и меда, съели мешки горькой соли, облизали дюжины ложек с дегтем.

Один стал Королем и гордым отцом Прекрасной Принцессы.

Другой стал Канцлером и детьми не обзавелся.

Третий стал Аббатом и, как поговаривают, истинным отцом Благородного Рыцаря-Маршала.

Наконец Канцлер, ни к кому конкретно не обращаясь, прервал молчание:

– Не бывает бывших монархов. Не бывает бывших Королев. Королевы бывают отверженные, низложенные, изгнанные. Но они никогда не забывают о том, что они Королевы.

– А еще бывают Королевы вдовствующие. – Подняв пристальный взгляд на канцлера, вполголоса проговорил Аббат.

– А еще бывают Королевы покойные. – Твердо и громко сказал Венценосец.

Маршал поперхнулся вином. Закашлялся.

Отец-Настоятель от всей души врезал ему кулаком между лопаток.

– Ку-Ку. – Откуда-то из леса отозвалась вещая птица.

Разгром

*«Он у стен как станет станом,
да как даст по ним тараном,
да как пустит тучу стрел...»*

(Союз-мультфильм «Сказка о Золотом Петушке»)

Еще рычание и хрип рвались из пересохших глоток. Толчками жарко стучало в висках. Пот заливал глаза. Еще яростные гримасы не сошли с лиц. Еще тела дрожали от принятых ударов и немыслимого напряжения сухожилий. Медленно расплывались по доспехам пятна не унятой крови из полученных ссадин и ран. Ладони намертво вцепились в древки алебард и топоров, в эфесы мечей и кинжалов.

Еще один приступ отбит. Враг вновь отхлынул, отступил.

Кто-то со стороны грубо сунул флягу к губам. Король глотнул тухлой воды. Сплюнул. Не глядя, вернул флягу.

На замок было лучше не смотреть. Стены изувечены камнеметами. Ворота изломаны таранами. Зубцы через один разбиты. Кучи каменной крошки. Башни облеплены длинными и черными сосульками застывшей смолы. Кричат и стонут раненные. Кругом изувеченные тела, своих и чужих, они везде, на стенах и на галереях, во рвах и на валах.

В полусотне локтей от замка жарко трещит огнем вражеская осадная башня. Только что затихли истошные вопли её заживо сожженного гарнизона.

Во сколько же жизней обошелся защитникам Замка только что отбитый штурм. Сколько людей ещё осталось.

Это уже не шутки.

Враг не просто силен. Он неодолим.

Ещё день, ещё два дня, и настанет конец.

Замок осажден неисчислимым Имперским воинством.

Все эти дни стены штурмовали наёмники-варвары. Сначала были дикие звероподобные кельты. Затем пришли могучие, не знающие страха смерти, викинги. На приступ шли борода-тые лангобарды и свирепые бургунды. Окрестности разоряла степная аварская конница.

Вражеский полководец имел возможность дать после каждого боя своим воинам пару дней отдыха, для пьянства, для грабежа, для насилия.

Воюют попеременно. Одни штурмуют, другие пируют и отдыхают.

А наши уже четверо суток не спали. Ратники с ног валяются. На ходу глаза слипаются.

Днем – бой. Ночью – латать дыры в стенах и воротах, тушить пожары, таскать на башни воду, смолу и дрова, точить клинки, мастерить новые древки, зашивать и перевязывать раны. А еще надо делать вылазки и проводить разведку, нести дозоры и секреты. А еще бы надо пожрать, да бабу свою хоть по щеке погладить.

Плохо организованные и плохо оснащенные варварские племена сами по себе не представляли угрозы для Замка. Похоже, имперский военачальник хотел измотать бессонницей и усталостью гарнизон, а затем сломить его сопротивление решительным и хорошо продуманным штурмом.

А начиналось все как бы ни с того, ни с сего.

Минувшей зимой на Большом дворцовом приеме Император, как бы невзначай, повернулся к Королю спиной в ответ на его поклон.

Папский Легат прошел мимо с гордо понятой головой, и вроде как не заметил Короля, склонившегося ради благословления.

На том же приеме Мрачный Маркграф, вопреки обычаю но, видимо, с молчаливого благословения Императора и Папы, впервые публично появился рука об руку с Отверженной Королевой.

Ох! Надо было туфлю Папы лизнуть, а не в лицо тявкать. Да не привычен.

Ох! Надо было отсыпать толику не малую в казну Императора. Да не обучен.

Ох! Напрасно не умер от «сердечного приступа» Папский нунций.

Ох! Напрасно не «утонул в реке» Имперский нотариус.

Ох! Видно стар стал Король и сентиментален.

Ох! Не зря куковала в лесу вещая птица

Как-то дождливой ночью у стен Королевского Замка неожиданно затрубили рога.

Прибыла со срочной депешей Имперская стража: «Король! Карета ждет! Имперский Прокурор желает Вас видеть! Немедленно!»

Обвинения:

– Соккрытие податей;

– Сочувствие ереси;

– Подготовка покушения на Наследника Императорского Престола.

Бред сивой кобылы.

Оправдываться? Лучше впасть во все грехи тяжкие. Хоть будет за что кару принять. Не так обидно.

Имперские глашатаи были повешены на воротах Замка за неучтивость к Миропомазанному и Благословленному Святой Матерью Церковью Монарху.

Спустя неделю, в пределы Королевства вторглось Имперское войско.

Бароны и рыцари доблестно выполнили свой долг.

В той битве на зеленых холмах они полегли почти все. Попавшие в плен были беспощадно казнены Герцогом, Наследником Императорского Престола

И вот осажден Королевский Замок.

Силы на исходе.

Честно говоря, сил уже нет.

Вдоль стены, по узкой галерее к Государю подошел Канцлер. Молча остановился.

Как будто он и в бою не был. В бархатном камзоле, без доспехов. Дыхание ровное. Спокойный и печальный. Правда украшен был вельможа роскошным синяком под глазом и с окровавленной секирой в руках. Красавец.

– Ну, что, Милорд. – Задумчиво сказал Король. – Еще день, может быть два дня. И конец.

– Нет, Ваше Величество, раньше. – Твердо и четко проговорил Канцлер, – Лазутчики донесли, что завтра перед рассветом Герцогом назначен общий штурм. Сегодня днем к нему в подкрепление подошла рейнская панцирная пехота. Они уже готовятся к бою, стучат топорами, лестницы готовят, шесты и прочее... Нам не устоять.

– Людей жалко. Имперцы никого не пощадят.

– Государь. – Вельможа понизил голос, – Не обессудьте. Рейнской пехотой командует Мрачный Маркграф. В лагере Герцога разбит серебрянный шатер Отверженной Королевы.

– Умеете Вы, Милорд, поднять настроение. – Сварливо пробубнил Король и от души сплюнул.

Солнце клонилось к закату. Ясный и морозный, зимний день короток. Из-за леса вставал густой черный столб дыма. Степные варвары жгли еще одну деревню.

«Что там сейчас творится», – с горечью подумал про себя Король.

– Делать нечего. – Твердо сказал Его Величество, – уходим сегодня в полночь. Отход прикроет Молодой Рыцарь. Он юноша бравый, с мозгами, удачливый. Даст бог, выскользнет из смертельной удавки.

– Раненные? Их более двух сотен человек. А еще есть женщины и дети.

– Оставим с полудюжиной монахов, на милость победителей. Все мы в воле господней.
– В полночь, одновременно с нами, Государь, пойдет на прорыв гарнизон Аббатства – Маршал с отрядом и Отец-Настоятель с братией. Гонцов к ним я уже послал. Обитель – в огонь.

– Ладно...

– За ночь, бог даст, оторвемся миль на десять. За день мы должны пройти ещё двадцать миль, выйти к переправам и бродам на Великой Реке. Там встретиться с отрядом из Аббатства. Река – граница Империи. После переправы обоз и войско распустить. Не дети. Дальше каждый за себя.

– Да... Конец Королевству.

– Государь. Вас со свитой и охраной готов принять Лесной Барон.

– Дожился. – Буркнул монарх.

– Там все и обсудим.

– Ладно.... Но, не обольщайтесь, Милорд. Чует мое сердце, что на марше не миновать нам встречи с аварской конницей.

– Я готов сражаться, Ваше Величество.

– Я знаю. – тихо сказал Король, положив руку на плечо своему Первому Министру.

Гладко было на бумаге...

В целом-то, конечно, ушли.

Но Молодой Рыцарь погиб в Замке, прикрывая отход гарнизона. Его юное воинство, состоящее из мальчишек, тоже poleglo, честно выполнив свой долг.

А на переправе обоз настигла аварская конница. Последние воины и беженцы уходили через броды уже под ливнем стрел. Не всем, далеко не всем, повезло.

Маршал – умница. Свистнул, собрал вокруг себя всех, кто рядом был, и кинулся в лихую контратаку. Степняков ненадолго отогнали. Через Реку авары идти не посмели, хотя у них в тылу, на горизонте, уже пылила имперская пехота, поддержка.

А на холмах, по сопредельному, правому, берегу, маячили многочисленные конные разъезды Заречного Королевства, сильного и давнего недруга Империи.

Приграничный Граф благосклонно принял беженцев.

Всего их собралось несколько сотен – рыцари, замковая дворня, бабы, ребятишки, монахи из обители, прибившиеся по дороге селяне, воины и стражники.

Граф своими конными кордонами обеспечил защиту изгнанников от набегов аваров и наемников-варваров. Назначил для временного бивуака обширную речную пойму. Разрешил рыбную ловлю. От имени своего Короля обещал сохранение сословий и привилегий для каждого.

Долго мялся, все не осмеливался спросить, куда дальше направляется Изгнанный Король и иже с ним.

– Граф. – заявил Венценосец, – Я был бы неимоверно счастлив нанести визит Вашему Монарху, дабы засвидетельствовать ему свое почтение и выразить глубокую личную благодарность за оказанную помощь. Но, к сожалению, я не имею столь завидной возможности. Меня ждут неотложные дела моего Королевства. Как бы то ни было – я остаюсь верноподданным вассалом Императорской Короны.

Граф облегченно вдохнул.

С Королем остался один юный оруженосец и один ещё более юный паж Это были сыновья павших в битве баронов, за коих Король в ответе. Остался так же повар. Как его не гнал его от себя господин, тот ни в какую.

С Канцлером остался его верный секретарь, неопределенного возраста и вроде бы как немой.

С Аббатом остались два дюжих монаха.

С Маршалом остался десяток молодых и отчаянных воинов, под стать ему самому.

Все верхами.

Всего – два десятка всадников.

Приграничный Граф здорово помог. Лошадям дали отдых. Откормили. Перековали. Сбрую починили.

Людей переодели, вооружили. Раненых перевязали.

Банда контрабандистов устроила ночью шум на переправе. Авары бросились к бродам.

Далеко, в другом месте, реку стремительно и незаметно форсировал Королевский отряд.

Король с войском, пусть и малым, вновь был дома, на своей земле.

Монарх и не подозревал, что в его, в общем-то, маленьком, исхоженном вдоль и поперек, государстве имеются такие глухие медвежьи углы.

Среди бездорожья, бурелома и болот, на крохотном островке, был выстроен деревянный, замок, с высоким частоколом, с крепкими воротами, с дозорными башнями. Неподалеку, на другом острове, расположилась деревня. Разбойнички жили строго, но в достатке. Имелась своя церковь. Чужих – никого. Конечно, пошаливали ребятки на дорогах, по хуторам, да городским заставам. Бывало, похаживали ватагами и в приграничье сопредельных держав. Так на то и «лихие люди».

Хозяин замка был воистину «Лесной Барон». Как не гонористы его разбойнички, но стоило Атаману бровью повести, так те бегом любой приказ исполняли.

Бандит не ударил в грязь лицом. К прибытию Короля все было готово. Встретили на дальних подходах. Сопроводили. Лошадям – уход. Людям – обильный стол, забота и отдых. Королю со свитой – высокий почет.

Пировать было некогда, да и некстати.

Собрали Военный Совет.

Вести, принесенные лазутчиками, были неутешительны.

Замок был razорен и разграблен.

Оставшиеся на милость победителей: раненные, женщины и монахи были подвергнуты пыткам, и почти все погибли. Варвары искали клады и казну. Люди Герцога искали архивы. Откуда же раненым и больным простолюдинам было знать о том и о другом.

Деревни были сожжены. Гурты скота и вереницы невольников угонялись аvaraми в степи и далее на восточные базары.

Варвары Герцогом были распущены. Они разбрелись разбойными ватагами не только по Королевству, но по всей Империи. Как обычно.

Сам Герцог на время убыл в Столицу.

Войско Рейнских панцирников, под штандартом Мрачного Маркграфа, твердо стало дисциплинированным лагерем в пределах Королевства. По слухам им хорошо платили.

С другой стороны.

Крепко держались в осаде города, защищаемые цеховыми дружинами. Но их захватчики особенно и не штурмовали, так как себе дороже будет.

Казна Королевства была надежно спрятана в тайниках под ответственность Канцлера и была недоступна захватчикам.

Архивы были спрятаны в личных тайниках Аббата.

Символы Королевской Власти находились неразлучно при Монархе.

«Замок» Лесного Барона оказался неплохим оплотом и надежным убежищем.

В Заречном Королевстве, в речной пойме, при «попустительстве» Приграничного Графа, собирались все новые сотни прибывающих беженцев. Оставшиеся на излечении рыцари, воины, стражники собрались в немалые отряды. Приграничный Граф «искренне удивлялся» – откуда у мирных беженцев взялось оружие, снаряжение, продовольствие, лошади, сбруя и пр.

И самое главное – Король был на своей земле.

Война за Королевство не окончена.

Моросило. По размытой бесконечными зимними дождями дороге размеренно чавкали копыта. Кругом уныло простирались скошенные поля. Время тянулось невыносимо долго. Далеко позади, на опушке леса остались немногочисленные соратники и сподвижники. Они молча застыли в развернутом конном строю. Впереди на холме расположилась пышная свита Герцога. Чуть впереди свиты – сам Герцог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.